

какой способности сочувствовать, сострадать, сорадоваться, эта школа, подмѣнивая, идя по пути наименьшаго сопротивленія, знаніе — свѣдѣніями, вещи — формулами, Пушкина — Саводником, все обезцвѣчивающая, обезличивающая, стерилизующая, и все разлагающая, все «объясняющая», но ничего не осмысливающая, с дѣтства вводит людей в мір призраков, тѣней, абстракцій, становящийся для них уже навсегда привычным, своим міром, к затхлой атмосферѣ котораго они настолько приюхались, что только в нем им дышится свободно.

Я только что сказать, что люди, страдающіе от культурнаго кризиса нашего времени, ищущіе выхода из него, сами заражены тѣм, что составляет его сущность, и что это сказывается в том невниманіи, с каким они относятся к вопросам воспитанія. Вот самый, по моему, разительный примѣръ этого. Как много говорят теперь о необходимости религіознаго возрожденія, о том, что истинная культура немислима без религіи, что культура и есть религія; как много — это надо признать — дѣлается для того, чтобы привлечь к религіи подрастающія поколѣнія, и в то же время: кто из дѣятелей на этом поприщѣ поднял вопрос о современной школѣ? 1) Кто из них задумался над тѣм, что выпеченный в ней полуинтеллигент, пріученный все принимать на вѣру, не в состояніи воспринять иначе и самыя истины вѣры, требующія от приступающаго к ним способности и навыков изслѣдованія, вниканія, медитациі? С этой точки зрѣнія почин, сдѣланный тремя французскими авторами, кажется мнѣ исключительно важным: ибо сейчас до очевидности ясно, что режим, который еще недавно считался обеспеченным чуть-ли не навсегда, режим конституціонной демократіи и либерализма, гибнет, рушится и что, если своевременно не будет сдѣлано попытки возрожденія, путем воспитанія, личнаго сознанія, то вмѣстѣ со всѣми пороками этого режима погибнет и то хорошее, что он дал міру: право свободно говорить, право, напримѣр, безнаказанно напечатать книгу, открыто призывающую к Революціи, какова «*Demain la France*».

П. Бицилли.

ПРАВОСЛАВНОЕ ДѢЛО

Мучительно слушать или читать любяя теоретическія разсужденія об устройствѣ жизни. С университетских кафедр, в горячих спорах на различных собраніях, люди стараются вмѣстить жизнь в схемы и образцы, вколотить невмѣстимое ея многообразіе в заранѣе опредѣленные формы. И политики, предвидящіе, что будет через де-

1) Об этом говорят педагоги. Но кто их слушает и кто их читает? Впрочем, и педагоги, задумывающіеся над этим, исключеніе.

сятилѣтіе, теряются и путаются в мелочах сегодняшнего дня; экономисты, знающіе, как разрѣшить всѣ конфликты и кризисы, не умѣют свести концы с концами в своем скромном бюджетѣ; человеколюбцы, желающіе облагодѣтельствовать вселенную, не замѣчают рядом с нами живущаго человѣка.

Понстинѣ, только в молодости можно не видѣть этой нелѣпой на-смѣшки, этого кричащаго противорѣчія. С возрастом растет наблюдательность, рождается иронія, возникает абсолютная невозможность воспринять всѣ эти точные диагнозы и рецепты врачей, к которым относятся слова: «Врачу, исцѣлился сам».

Но если в области политики, экономики, — всѣх видов общест-венности — это вѣрно, то особенно мучительно сейчас слушать раз-говоры о христіанствѣ, — о Христвѣ и о Церкви.

В аудиторіях, салонах, кафе, с какой-то изумительной безответ-ственностью вырастают теоріи, мнѣнія, острые парадоксы, кружева мысли. Сегодня мы исповѣдуем принципы крайняго аскетизма, а за-втра, как будто что-то уже пріобрѣтено и пережито от этого чисто словеснаго опыта, ищем новых впечатлѣній в теоріях всеобъемлю-щаго жизненнаго эксперимента. И повсюду, на всѣ лады звучит одно слово — кризис. Но существу же в самом этом дробном, нецѣлостном отвѣтѣ на вопросы современности демонстрируется самое главное существо кризиса, — кризис цѣлостной жизни, самой сердцевины ея.

Попытаемся, начав с самаго большаго и абсолютнаго, перекинуть мост к нашей ежедневной суетѣ, к каждому факту нашей маленькой, конкретной жизни. К тому же она еще и эмигрантская — наша жизнь, — а это значит, как будто, что ни о каких больших перспек-тивах нам, беспочвенным, случайным, усыхающим, говорить и не приходится.

Однако, каждому из нас дана судьба, которая ничуть не меньше и не менѣе трагична от того, что дана она нам в Парижѣ, а не в Мо-сквѣ. Каждому из нас было дано рожденіе, любовь, дружба, жажда творчества, чувство состраданія, справедливости, тоска о вѣчности, — и каждому будет дан смертный час. Мы стоим перед правдой Гос-подней и хотим понять ея велѣнія.

А Правда Господня говорит нам, что Ея не может вмѣстить небо, — и вмѣщают Виадеемскія ясли, что Она созидает и держит мір, — и падает под тяжестью креста на Голговском пути, что Она больше вселенной, — и вмѣстѣ с тѣм не гнушается чаши воды, поданной ей сострадательной рукой. Правда Господня упраздняет различіе ме-жду необъятным и ничтожным.

Попробуем строить нашу маленькую, нашу ничтожную жизнь так же, как великій Зодчій строил планетныя системы, проводил черту по лицу Вселенной.

Прежде всего надо строго отмежеваться от предразсудка, свой-

ственно самым разнообразным людям. В средѣ ортодоксальнѣйших богословов вы можете услышать, что строить жизнь — ни к чему. Нам дано единое задание, — спасти нашу душу, — а социальная правда, художественное творчество, научная работа и т. д. — это все нас не касается, это только «подѣлка», послушание, не имѣющее рѣшающаго вліянія на нашу внутреннюю жизнь. Видимо, эти ортодоксальные мѣткія вдохновили Розанова на извѣстные его комментаріи к христианству. Во Христѣ мір прогорк, — выбирайте между Его скорбным Ликом и радостью жизни. Розанов же, — и это удивительно, — для цѣлаго ряда людей является чуть ли не единственным экзегетом и комментатором христианства; он как бы нѣкій отец Церкви, опредѣливший собою должное отношеніе к христианскому ученію. Тут сразу же намѣчается тупик. Все благополучно, пока человек, отрeksiи от скорбнаго Лица Христова во имя радостей жизни, вѣрит в эти радости. Но трагедія начинается с момента, когда обнаруживается, что радости то эти не очень радостны. Не дает радостей наш подневольный и механизированный труд, не дают радостей и развлечения, болѣе или менѣе однообразныя, в разной мѣрѣ треплющія нервы, и только. Не дает радости и вся современная жизнь, — горькая, хотя в ней-то отнюдь и не отражается сейчас горькій и скорбный лик Христа. Как будто именно без Него мір достиг максимальной горечи, — потому что максимальной бессмысленности.

Тут надо выдать маленькую тайну: Розанов был очень замѣчательным и талантливым человеком, но рѣшительно ничего не понимал в христианствѣ, как впрочем мало понимали в нем и многочисленные христианскіе начетчики, сухостью своей высушившіе мір.

Христианство, — это пасхальная радость, христианство, — это сотрудничество с Богом, христианство, — это вновь принятое человечеством обязательство воздѣлывать Господен рай, однажды отвергнутое грѣхопаденіем. И в дебрях этого рая, заросшаго многовѣковым бурьяном грѣха и колючками нашей сухой и безлюбой жизни, христианство велит нам корчевать, пахать, сѣять, полоть, собирать урожай.

Подлинное, богочеловѣческое, цѣлостное, соборное, православное христианство зовет нас Пасхальной пѣсней: «Любовью друг друга обмыем», и ежедневно учит нас за литургіей: «Возлюбим друг друга, да единомысліем исповѣмы». «Возлюбим», — это значит не только единомысліе, но и единодѣйствіе, — это значит общая жизнь.

Принято думать, что христианство, обращенное к міру, это какой то второй сорт христианства. Подлинное же благоговѣйно обращено к Богу, ищет богообщенія, — и ни чѣм подмѣнить или замѣнить сладости богообщенія нельзя и не надо.

Может-быть, отчасти и вѣрно, что исѣ виды общественнаго христианства, возникавшаго на почвѣ католичества и протестантизма,

дѣйствительно страдали какой-то непреодолимой второсортностью. Но происходило это от того, что они обращались к міру по-мірскому, принимая мірской метод отношенія ко всѣм явленіям жизни, — даже к человѣку. В них отношеніе к Богу опредѣлялось заповѣдью о любви к Нему, а отношеніе к человѣку, — имманентными человѣчеству законами и правилами. Необходимо отношеніе к человѣку и к міру строить не на законахъ человѣческихъ и мірскихъ, а на откровенной заповѣди Божіей, т.-е. видѣть въ человѣкѣ образъ Божій и въ мірѣ, — созданіе Божіе. Необходимо понять, что христіанство требуетъ отъ насъ не только мистики богообщенія, но и мистики человѣкообщенія, что по существу приводитъ насъ также къ раскрытію богообщенія. Только при такой установкѣ исчезаетъ второсортность христіанства, обращеннаго къ міру.

Такимъ образомъ, начиная съ самаго категорическаго отрицанія всякихъ теоретизированій, — особенно христіанскихъ, — о жизни, мы утверждаемъ необходимость, вѣ отвѣтъ на всѣ кризисы современности, просто строить жизнь. Теорія есть тутъ только нѣкая рабочая гипотеза, позволяющая правильно и быстро разбираться среди жизненнаго многообразія, и она необходима лишь постольку, поскольку мы стремимся это многообразіе преобразить и христіанизировать.

Какъ будто бы законно и само собою разумѣется, что журнальная статья ставитъ своей цѣлью только убѣдить въ извѣстныхъ теоретическихъ положеніяхъ, только внушить свои мысли и обосновать ихъ. Миѣ хочется нарушить такую общепринятую традицію и поставить цѣлью этой статьи не раскрытіе извѣстнаго ряда мыслей, а призывъ къ общему дѣланію. Въ такой постановкѣ есть извѣстная трудность, связанная съ предрасудкомъ, общимъ всѣмъ намъ. Намъ стыдно и неудобно говорить о малыхъ дѣлахъ. Мы такъ привыкли теоретизировать въ планетарныхъ масштабахъ, мы такъ легко на словахъ кромсаемъ границы государствъ, находимъ средства отъ безработицы, оперируемъ съ философскими системами всѣхъ эпохъ и народовъ, взвѣшиваемъ и расцѣвниваемъ истины религій, — и при всемъ этомъ ничему не удивляемся и ничему не отдаемъ нашей жизни, — что звучитъ почти непростительной и недопустимой наивностью заговорить о чемъ то, что не имѣетъ планетарнаго размаха (а одновременно, можетъ быть, жизни требуетъ). Такъ вотъ, заранѣе принимая упрекъ въ любви къ малымъ дѣламъ, я все же хочу именно о нихъ говорить, — о нашей маленькой, скудной, нищей жизни.

Къ каждому читателю этихъ строкъ я обращаюсь съ вопросомъ: Вы знаете, какъ трудно, нелѣпо, одиноко и безцѣльно идетъ наша общая съ вами эмигрантская жизнь? Вы испытали, навѣрное, на своей собственной судьбѣ, что значитъ слово кризисъ. Всяческій кризисъ, — не только тотъ, который сократилъ или уничтожилъ вашъ заработокъ, высекая вашего пріятеля въ другую струю искага счастья. Нѣтъ, но и другой кризисъ, который опустошилъ вашу душу, опустошилъ душу чело-

вѣчества, обезсмыслил жизнь, вынул из нея какой-то основной стержень. Знаете ли вы, что такое кризис жизни, кризис вѣры в Бога и в человѣка, кризис воли к осуществленію образа Божьяго в себѣ и к раскрытію его в своем братѣ? Если вы знаете это, то мы с вами имѣем цѣлый огромный запас общих знаній, из которых надо сдѣлать и общіе выводы. Вот они: давайте строить новую жизнь.

Давайте преодолѣм кризис внутри себя, давайте преодолѣм наше эмигрантское захолустное убожество, — и со всей серьезностью, не только в области теоретических построеній, но и в области ежедневнаго нашего быта попробуем осуществить подлинную христіанскую соборность, общую жизнь, — «любовью друг друга обьемем».

Может-быть, мнѣ было бы гораздо труднѣе писать такой призыв, если бы я не чувствовала около себя значительную группу лиц, уже сговорившихся и вошедших в общее дѣло, которое мы называем «Православное дѣло». Мы не только теоретизируем, но по мѣрѣ наших слабых и очень недостаточных сил стремимся осуществлять наши теоріи на практикѣ. Мы имѣем общезитіе, мужское и женское, мы имѣем дешевую столовую, мы стараемся обслуживать русских больных, как во французских госпиталях, так и на дому, мы думаем устроить в ближайшее время дом для выздоравливающих, мы организуем церковныя службы, гдѣ их нѣтъ, воскресно-четверговья школы, доклады, собранія, конференціи. Мы раздаем книги. Мы мечтаем среди огромнаго и чужого Парижа создать православный городок.

Как все это ничтожно по сравненію с возможностью точно высчитать сроки паденія большевиков или пути мірового кризиса, — и как это много по сравненію с одинокими, заблудившимися тропами, на которых бродят опустошенныя человѣческія души!

Мы не хотим быть благодѣлателями, — мы строим нашу общую жизнь. Не наша вина, что это не жизнь огромнаго государства или всего человѣчества. Мы приставлены к малому и хотим в малом быть вѣрными. И мы зовем, — помогите нам, — и не только потому, что нам дѣйствительно и реально нужна помощь каждаго живого человѣка, но и потому, что и для нас нужно нам помочь и этим приобщиться к нашему радостному и братскому дѣлу.

Утопично и наивно звучат мои слова? Может-быть. Но вы можете говорить о их наивности и утопичности только в том случаѣ, если у вас есть собственный точный способ побѣдить свое маловѣріе, равнодушіе, отсутствіе цѣльности, заполнить пустоту жизни, — и не только заполнить, но и подлинно создать настоящія, реальныя цѣнности. Если же, взглянувъ на себя, вы почувствуете, что душа ваша нища, то придите к нам, чтобы дать нам возможность заполнить ее любовью к таким же душам, из которых каждая подлинный и прекрасный образ Божій.

Монахиня Марія.